

Леонид ДОЛГОПОЛОВ

Прогулки с Блоком

Неизданное и несобранное

*Составление, вступительная статья,
публикация и примечания
В. Э. Молодякова*

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.1.09«18»
ББК 83.3(2Рос=Рус)5
Д641

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Долгополов Л. К.

Д641 Прогулки с Блоком : Неизданное и несобранное / Л. К. Долгополов ; публ., сост.,
вступ. ст. и примеч. В. Э. Молодякова. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 336 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1347-3

Сборник представляет читателям неизвестные страницы научного и литературного наследия выдающегося исследователя русского символизма Леонида Константиновича Долгополова (1928–1995). В книгу включены статьи, рецензии, воспоминания, письма и другие материалы из архива ученого. Издание сборника приурочено к 90-летию со дня рождения Л. К. Долгополова.

Иллюстрации из собрания составителя

Автор обложки Моргана Девлин

ISBN 978-5-4469-1347-3

© Л. К. Долгополов, наследники, 2019
© В. Э. Молодяков, собрание материалов, 2019
© В. Э. Молодяков, сост., вступ. ст., примеч., 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь и труды Леонида Долгополова (<i>В.Э. Молодяков</i>).....	4
Конец всех концов и начало всех начал	
(Заметки о русской литературе первой половины XX века)	26
«Русь бредит Богом, красным пламенем...»	
(Заметки о личности и поэтическом творчестве Н. Гумилева)	58
Миф о Поэте и «Поэма без героя» Анны Ахматовой.....	96
Утопические тенденции в творчестве и мирозерцании русских символистов	
и их знаковое выражение	123
Знаковая система русского символизма в ее связях и отношениях	
с событиями революции	136
Что есть литература для историка литературы?	
(Заметки бывшего литературоведа)	146
<i>Робеспьер Куроедов</i> . Прогулки с Блоком (Подражание А. Синявскому)	151
Память времени. Новые стихи Рюрика Ивнева.....	155
Несколько слов о Максимилиане Волошине в связи с книгой И. Куприянова ...	161
Рецензия на сборник избранных стихотворений А. Белого.....	164
Как мы издавали «Петербург»	
(По издательским документам и личным письмам)	167
В боях за «Символизм»: переписка с редакцией	
«Краткой литературной энциклопедии»	211
«Серебряный век» в «Большой советской энциклопедии»:	
несостоявшаяся статья	220
К истории факсимильного издания «Двенадцати»: письма и отзывы	237
Андрей Белый, Михаил Чехов и антропософия: переписка с М. Г. Козловой.	252
Записи	258
Рассказы	263
Из переписки	267
Приложение	279
Инструментарий филолога: библиотека Л. К. Долгополова (<i>В.Э. Молодяков</i>) ...	284
Издания с дарственными надписями	
в библиотеке Л. К. Долгополова (<i>В.Э. Молодяков</i>)	294
Список печатных работ Л. К. Долгополова	316
Именной указатель	322

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ЛЕОНИДА ДОЛГОПОЛОВА

Вы один из очень немногих настоящих специалистов по символизму, и Ваше слово в этой области всегда интересно.

*Д. Е. Максимов —
Л. К. Долгополову, 1970 г.*

История изучения русского символизма (и шире — модернизма) является одной из самых ярких, значимых и драматических страниц истории изучения русской литературы в XX в. Начавшись сразу после ранней смерти Александра Блока и Валерия Брюсова, т. е. при жизни основных представителей течения и порой при их участии, оно никогда не прекращалось полностью, даже в самые мрачные для русской культуры последние годы сталинского режима. Социальный заказ, идеологический диктат, запреты, репрессии — всё это отрицательно влияло на развитие науки, на тематику, качество и количество публикуемых работ. Тем более сделанное лучшими представителями русской науки о символизме в советское время заслуживает благодарного внимания.

С середины 1950-х гг. сочинения Блока и Брюсова выходили большими тиражами, отражавшими читательский спрос. В 1960-е гг. к ним прибавились книги Д. Е. Максимова и В. Н. Орлова, а в науку пришло новое поколение исследователей, статьи и публикации которых, даже выходившие в специальных (по нынешним временам язык не поворачивается сказать «малотиражных») изданиях, привлекали внимание широкого интересующегося читателя. Ярким представителем этого поколения был Леонид Константинович Долгополов, чьи работы о Блоке и Андрее Белом можно без преувеличения назвать классическими. Изданные массовыми тиражами, они по-прежнему доступны на книжном рынке, хотя обращаются к ним в XXI в. гораздо реже, чем они того заслуживают.

Настоящий сборник — не только напоминание о трудах и заслугах ученого, но и возможность заглянуть в его «творческую лабораторию», поскольку он состоит из текстов, опубликованных посмертно или публикуемых впервые. Результаты работы исследователей известны по их книгам и статьям, но процесс работы — увлекательный и поучительный — остается «за кадром», в заметках, переписке, рецензиях, заявках, пометах на полях книг. Не предназначенные к обнародованию при жизни авторов, они не просто имеют научную ценность, но должны стать достоянием следующих поколений исследователей. С благодарностью отметим публикации неизданных текстов и писем Д. Е. Максимова, З. Г. Минц и многолетней переписки В. Н. Орлова с И. С. Зильберштейном об издании писем Блока к жене. История изучения русского символизма представляется нам не менее интересной, чем изучение его истории. Этим целям служит книга, которую вы держите в руках.

Леонид Константинович Долгополов родился 21 октября 1928 г. во Владикавказе Северо-Осетинской АССР. Мать Нина Порфирьевна, происшедшая из семьи сельских учителей, работала библиотекарем. Ее «страдальческой и светлой памяти» сын посвятил книгу «Андрей Белый и его роман “Петербург”» (1988). Отец ушел из семьи, когда Леониду не было и года, — сын, видимо, ничего не знал о нем и не вспоминал¹. В 1929 г. мать переехала в Баку и поступила на работу библиотекарем в Азербайджанский радиокомитет. В 1936 г. Леонид пошел в первый класс школы № 170 Яслинского района Баку, но в 1943 г. оставил ее и поступил в Бакинскую военно-морскую специальную школу. Проучившись там два года, в 1945 г. он ушел из нее из-за болезни матери, у которой обострился туберкулез легких (дата и место ее смерти мне неизвестны). В 1946 г. он окончил школу № 142 Дзержинского района Баку и уехал в Саратов, где поступил на первый курс филологического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского².

О студенческих годах в Саратове и своих учителях Ю. Г. Оксмане и А. П. Скафтымове Долгополов немного рассказал в статье «Что есть литература для историка литературы» и в предисловии к публикации материалов об издании «Петербурга» в серии «Литературные памятники», но не успел написать задуманные воспоминания об Оксмане, «информационным поводом» для которых было 100-летие со дня рождения ученого в 1995 г. По окончании университета Долгополов был по распределению направлен в Ачинский учительский институт (ныне Ачинский педагогический колледж), где в 1951–1952 гг. преподавал русский язык³. Поступив в 1952 г. на курсы языковедов при МГПИ им. В. И. Ленина, он прожил год в столице, а в 1953 г. был назначен старшим преподавателем кафедры современного русского языка Сыктывкарского педагогического института (ныне Коми государственный педагогический институт). Вспоминать о годах в «провинции» Долгополов не любил, считая началом «настоящей жизни» 1955 г., когда он был принят в аспирантуру ИРЛИ и переехал в Ленинград.

В 1955 г. широко отмечалось 75-летие со дня рождения Блока, массовым тиражом вышел большой (общий объем 1660 страниц) двухтомник его избранных сочинений, возобновилась подготовка «блоковского» тома «Литературного наследства», задуманного еще в 1945 г. Полагаю, не без учета этих «внешних факторов» аспиранту Долгополову утвердили тему кандидатской диссертации «Поэмы Блока (“Возмездие”, “Двенадцать”))». В 1960 г., уже по истечении планового трехлетнего срока обучения, он закончил

¹ В настоящей статье использованы устные рассказы Л. К. Долгополова, слышанные автором в 1990–1995 гг. Не имея возможности верифицировать многое из их содержания, тем не менее, считаю необходимым ввести их в научный оборот.

² http://www.cross-apk.ru/museum_apk/muzey1_2_2.htm

³ Согласно постановлению секретариата Союза писателей РСФСР от 20 января 1992 г., «стаж творческой деятельности» Долгополова считался с 1951 г. (выписка в архиве).

диссертацию, а годом раньше опубликовал ее основную часть (с сокращениями) в виде статей: глава первая — «“Возмездие”, незавершенная поэма А. Блока (Проблематика и основные образы)»; главы вторая и третья — «“Двенадцать” Ал. Блока (Идейная основа поэмы)»⁴.

Первым выступлением ученого в печати стала публикация автобиографии Блока из собрания ИРЛИ (Русская литература. 1958. № 4), хотя архивную работу он, по собственному признанию, не любил — в отличие от текстологической и комментаторской. Для шестого тома сборника «Литературный архив» Долгополов подготовил письма Блока к А. В. Гippiусу (верстка находилась в собрании С. С. Лесневского), но издание было прекращено из-за критики в адрес предыдущего выпуска, содержавшего «неподходящие к моменту» письма Брюсова к П. Б. Струве. Переписка Блока с Гippiусом, подготовленная Долгополовым в соавторстве, напечатана в первой книге блоковского, 92-го тома «Литературного наследства» (1980).

Уже в первых статьях Долгополов, не побоявшийся назвать «Двенадцать» «узлом противоречий» и призвавший анализировать именно эти противоречия, проявил себя как оригинально мыслящий ученый, который пишет без оглядки на академическую иерархию, открыто и корректно споря с авторитетами⁵, а также на политическую конъюнктуру и социальный заказ. Не только исследовательский «почерк», но самый стиль его настолько отличались от уныло-благонамеренной жвачки (прошу считать это техническим термином) остальных работ в «Вопросах советской литературы», что статья о «Двенадцати» была замечена недобрым глазом и вызвала скандал всесоюзного масштаба.

В № 26 журнала «Крокодил» (издание газеты «Правда», тираж 1 200 000 экз.) от 20 сентября 1959 г. появился занявший целую полосу фельетон ленинградского критика Вадима Назаренко, статьи которого, согласно «Краткой литературной энциклопедии», были «нередко отмечены полемическим задором и некоторой парадоксальностью суждений». Уже начало фельетона «Посмертное и насильственное пострижение Александра Блока» не предвещало ничего хорошего: «В келье под елью бдел брат Опупей. Имея склонность к словесности, восхотел он составить богоугодное сочинение на тему “Блок и Христос”». Финал был и вовсе пугающим: «А еще, созерцая том в переплете с золотым тиснением и ценою в 20 рублей, уверенно думаешь: есть еще неучтенные возможности экономии государственных средств»⁶.

«Брат Опупей», меньше года назад (17 декабря 1958 г.) принятый на службу младшим научным сотрудником в Сектор советской литературы

⁴ Выходные данные см. в «Списке печатных работ Л. К. Долгополова» в настоящей книге.

⁵ Например, с В. Н. Орловым и Л. И. Тимофеевым, чьи книги о Блоке, изданные в 1956 и 1957 гг., сохранились в библиотеке Долгополова с многочисленными, в том числе критическими, пометами.

⁶ Тексты, включенные в настоящую книгу, цитируются без сносок.

ИРЛИ, испугался, что подобная «критика» — особенно в условиях антирелигиозной кампании, карикатура на тему которой присутствовала в том же номере журнала, — закроет ему путь к защите диссертации, а то и лишит места в институте. «Очень не хотелось обратно в Сыктывкар, — рассказывал Долгополов 35 лет спустя. — А приехавший в Ленинград Оксман прижимал меня к своему толстому животу и, хохоча, говорил: “Леня, в Америке за такую рекламу платят большие деньги”».

Фельетонист замахнулся не просто на отдельную работу молодого ученого, но на очередной том солидного издания академического института, в котором было еще 9 совершенно ортодоксальных статей. Ответом стало коллективное письмо «Так спорить нельзя» (кто составил его текст, неизвестно) за подписями 11 ленинградских филологов, начиная с Г. П. Блока — двоюродного брата поэта, в редакцию «Литературной газеты», опубликованное 5 декабря. Но не привыкший оставлять за кем-либо последнее слово, орган партийной сатиры уже 30 декабря, в канун нового года, ответил ученым издевательской и содержавшей политические обвинения (красногвардейцы как «голытьба»!) редакционной статьей на целую полосу, заключив ее грозной филиппикой: «И почему вы думаете, что о поповщине следует говорить только в почтительно-вежливых выражениях? Если рассуждать так, то можно спокойно благословить молодых литературоведов и на такие, например, труды: “Истинно христианское мировоззрение А. С. Пушкина” (на основании разбора стихотворения “Пророк”: “И бога глас ко мне воззвал”»». Тогда это казалось верхом остроумия и сарказма...

Административных последствий для Долгополова «клеветон», видимо, не имел, хотя мог задержать подготовку к защите диссертации, которая в полном объеме осталась неопубликованной. Работа над текстом была закончена в 1960 г. (этим годом датированы наиболее поздние из использованных в ней публикаций); печатный экземпляр, с многочисленными вклейками, датирован 1961 г.⁷, автореферат — 24 февраля 1962 г. Выполненную в ИРЛИ диссертацию Долгополов защитил на филологическом факультете ЛГУ; ни дата защиты, ни фамилии научного руководителя и оппонентов (видимо, одним из них был Д. Е. Максимов) в автореферате не указаны.

В диссертации Долгополов исправил (или исключил) процитированные «Крокодилом» фразы, которые могли быть истолкованы во вред автору, но «косметический» характер правки очевиден. Вместо «необходимости введения в революционное действие некоего интеллектуального начала, призванного заронить в него отсутствующее в нем рациональное зерно» появляется «необходимость некоего положительного начала, которое должно быть введено в поэму и символизировать созидательные задачи русской революции» (С. 230). Однако осмеянный тезис о том, что «конец “Двенадцати”

⁷ В архиве Долгополова сохранился экземпляр диссертации с карандашными замечаниями Д. Е. Максимова.

не мог быть иным. Он должен был быть таким и только таким» (С. 231–232), автор не просто сохранил в диссертации (как и тему «голытьбы»), но выделил разрядкой и вторую его часть, чего не было в статье. Позже Долгополов уже не называл Христа «участником революционного переворота», который «сливается с народом, но не растворяется в нем», но трактовал его как «определенный поэтический символ», «отвлеченную категорию», которую «удачей признать никак нельзя именно в силу его отвлеченности», сохранив при этом характеристику «воплощение чистоты и оправданности революционного действия»⁸.

Поэма «Двенадцать», которую Долгополов считал если не высшим творческим достижением, то наиболее оригинальным произведением Блока, «не отпускала» ученого. Среди статей о ней отмечу «Ритмы и контрасты» (1968), где автор обнародовал наблюдения над ритмикой и стилистикой поэмы из неопубликованной части диссертации. Итогом разысканий стала небольшая по объему, но содержательно насыщенная книга «Поэма Александра Блока “Двенадцать”» (1979). Еще через полтора десятилетия он писал: «Блок дал бесам в руководители и вожатые Христа, нарушив все, буквально все христианские каноны, а бесам дал имена апостолов. <...> “Двенадцать” Блока списаны (я не оговорился) с “Бесов” Достоевского. <...> Только Блок это безобразие оправдывает (и даже как будто благословляет)»⁹.

Во время заключительного этапа работы над диссертацией П. П. Громов привлек Долгополова к комментированию драматургии Блока для четвертого тома (1961) восьмитомного собрания сочинений, выход которого стал событием большого литературного и научного значения. В примечаниях подробно рассмотрены творческая и сценическая история произведений, включая малоизвестные постановки, и их восприятие современниками. В подготовленном Громовым издании драматургии Блока в Большой серии «Библиотеки поэта» («Театр». 1981) примечания гораздо лаконичнее и посвящены в основном истории текста; в новейшем полном собрании сочинений Блока примечания гораздо подробнее, но ни в одном из этих изданий работа Долгополова не упоминается. В оценках драматургии Блока Долгополов уже во время совместной работы расходился с Громовым, что следует из дарственной надписи последнего: «...с уважением, и, не скрою, с некоторой “претензией” от “имени Блока”» на книгу «Герой и время» (1961), включавшей большую работу на эту тему, хотя конкретное содержание тогдашнего спора нам не известно (памет Долгополова на книге нет). Двадцать лет спустя, читая «Театр», он оставил многочисленные маргиналии на полях как вступительной статьи Громова, восходящей к его более ранним работам, так

⁸ Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. М. — Л., 1964. С. 148, 168–169.

⁹ Долгополов Л. Время, сорвавшееся с координат. Белый и Блок в водовороте истории / Предисловие В. Келдыша // Литературная газета. 1996. № 3(5585). 17.01. С. 6.

и самих произведений Блока. Наиболее значительные из них публикуются в настоящей книге в статье о библиотеке Долгополова.

В первые годы работы в ИРЛИ ученому приходилось довольствоваться главным образом рецензиями и отчетами о конференциях; изредка удавалось напечатать в газете «датскую» статью о Блоке к очередной годовщине. Подлинным его дебютом стала монография «Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков» (1964), представлявшая собой не расширенный вариант диссертации, как это часто бывало, но новое исследование, более широкое по проблематике, тематике и охвату материала, с использованием преимущественно тех фрагментов, которые ранее не появлялись в печати. Первой «обкаткой» ее положений стал доклад «Русская поэма 90–900-х годов и “Возмездие” Блока», прочитанный на первых Блоковских чтениях в Тарту в мае 1962 г.

Произведения Блока, названного в книге «наиболее крупной фигурой в поэтическом движении конца XIX — начала XX века», автор рассматривал в контексте его идейной и духовной, а не только литературной эволюции, сделав акцент на «исторической концепции и ее отражении». Здесь впервые проявилась главная особенность Долгополова как ученого — стремление не к «формальному» разбору текста с точки зрения поэтики или стилистики, но к трактовке его философского, идейного (не обязательно конкретно политического) содержания, к анализу произведения в неразрывной связи с личностью автора, к стремлению понять и показать читателям «глубину проявления личности поэта в ее соотнесенности со временем», «отношение художника к миру, в котором вращается его “герой”»¹⁰. Тему «Тютчев и Блок» в одноименной статье 1967 г. Долгополов исследовал с точки зрения «нового взгляда на человеческую личность и ее положение в мире», мировоззрения, а не поэтики, связав «воззрения человека на мир, в котором он живет, на Землю и мироздание» с прогрессом науки, в том числе астрономии (проблема «человек и Вселенная»). В сборнике «На рубеже веков» статья получила заглавие «Проблема личности и “водоворот истории”».

Если диссертация была посвящена произведениям одного поэта, то в монографии Долгополов перешел к тому, что Р.Д. Помирчий в краткой рецензии на нее назвал «биографией жанра»¹¹. Автор изучил как повествовательные, так и лирические поэмы, начиная с 1880-х гг. с экскурсами в более ранние периоды, о чем свидетельствует составленная им картотека. Это отметил патриарх итальянской русистики Этторе Ло Гатто в отклике на книгу: «С точностью рассмотрев проблему соотношения между элементами лирическими и эпическими так, как они были с разных точек зрения исследованы критикой, автор делает затем интересные наблюдения по этому поводу, подчеркивая между прочим, что термин “лирическая поэма” завоевывает право

¹⁰ Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. С. 5.

¹¹ В мире книг. 1965. № 4. С. 40.

на существование после того, как к нему обращается философ, критик и поэт Вл. Соловьев»¹².

Тема предполагала рассмотрение произведений непереиздававшихся и даже запрещенных поэтов. Долгополов обошелся без принятых оговорок политического характера, а когда автора обязательно надо было поругать, делал это, оставаясь в пределах литературного материала: «Очень несамостоятельны ранние поэмы Гумилева»¹³. Кривить душой не пришлось, о чем говорит и его позднейшая статья о поэзии Гумилева, написанная без всякой оглядки на цензуру (впервые публикуется в настоящей книге).

В отличие от большинства критиков и литературоведов советского периода, Долгополов не пытался искусственно «революционизировать» Блока: с одной стороны, отрывать его от символизма через пресловутое «преодоление» и тем более противопоставлять ему; с другой, привязывать к «революционным демократам» и «демократическим реалистам». Считая Блока крупнейшим русским лириком начала XX в., ученый не абсолютизировал сделанное им в других жанрах, например в драматургии и литературной критике. В рецензии (в соавторстве с А. В. Лавровым) на книгу Д. Е. Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока» он писал: «Исследователь не соблазняется возможностью прямолинейного подчеркивания “достоинств” Блока за счет “недостатков” других писателей, как бы воплощавших те опасности и изъязнения, которые Блоку приходилось преодолевать»¹⁴. В сказанном видится некоторое лукавство, поскольку Максимов в исследовании «Критическая проза Александра Блока», включенном в книгу, как раз и пытался представить Блока самым выдающимся, во всяком случае, самым «правильным», с точки зрения советского канона, критиком среди символистов, в том числе за счет принижения Брюсова, Белого и Иванова (Мережковского и Гиппуис он игнорировал). Литературные оценки Долгополова не мотивированы политически: «советского» Брюсова как поэта он ставил настолько же ниже Блока, насколько и «антисоветского» Гумилева. Возможно, именно из-за отсутствия конъюнктурности и идеологической детерминированности его статьи и книги не производят впечатления устаревших — в отличие от многих работ исследователей, которые до него и вместе с ним создавали русскую науку о символизме.

После защиты диссертации и издания монографии надо было искать новые темы исследования, хотя Блок остался «вечным спутником» Долгополова как ученого и читателя. Плановая работа предполагала участие в коллективных монографиях института, о которых он в конце жизни отозвался жестко и не вполне справедливо: «Великое множество “кирпичей” — “История

¹² Ricerche Slavistiche. Vol. XIII (1965). P. 236; цит. по переводу неизвестного лица из архива Долгополова.

¹³ Долгополов Л. К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX веков. С. 127.

¹⁴ Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 37 (1978). № 1. С. 76.

русской литературы”, “История русской критики”, “История русской повести” и т.д. и т.п., но их никто не читал и, главное, они ничего не давали для понимания русской литературы. Они были однобоки, тенденциозны, малограмотны и без всякой самостоятельной мысли». Эту оценку ставят под сомнение опубликованные в них работы самого Долгополова — и не его одного.

Если короткий раздел о символистском романе (его пришлось втиснуть в главу «Романисты 1880–1890-х годов») во втором томе «Истории русского романа» (1962) можно считать «проходным», то «Поэзия русского символизма» во втором томе «Истории русской поэзии» (1969) — не просто удача Долгополова, но обобщающая работа на эту тему, долгое время остававшаяся непревзойденной и не утратившая значения до настоящего времени. Это сейчас характеристика символизма как «основного течения в поэзии 90-х и 900-х годов» выглядит само собой разумеющейся, а полвека назад идеологический канон требовал признания приоритета реализма не только в прозе, но и во всех жанрах литературы. Судить этот текст следует по тому, о чем и как в нем сказано (особенно о Блоке, которому уделено наибольшее внимание), а не по тому, что проигнорировано (идеи Мережковского, поэзия Гиппиус) или «выпрямлено» (политическая эволюция Брюсова) под давлением цензуры.

«Я очень благодарен и Вам лично, и автору рецензии на “Историю русской поэзии”¹⁵, — писал Долгополов в 1971 г. главному редактору «Вопросов литературы» В.М. Озерову, — за то, что там в высшей степени доброжелательно говорилось о разделе “Поэзия русского символизма”, написанном мною. Дернул черт меня в свое время связаться с символизмом, и вот теперь кроме тычков и подзатыльников я не имею никакой другой реакции на все свои работы в течение длительного времени. Особенно это касается нашей внутриинститутской обстановки: здесь люди настолько опростились, что считают ближнего своего наиболее лакомым блюдом»¹⁶.

Институтская «карьер» Долгополова не задалась: после десяти лет службы младшим научным сотрудником в Секторе советской литературы он 1 марта 1969 г. был переведен на ту же должность в Сектор новой русской литературы и оставался «мэнээсом» до увольнения из ИРЛИ 27 августа 1971 г. в связи с «переходом на творческую работу» и принятием в группом писателей при Литературном фонде (членом Союза писателей СССР он стал в 1980 г.). Причиной этого ученый считал неприязненное отношение институтского начальства не только лично к нему, но к тематике Серебряного века в целом, а заниматься чем-либо иным не хотел: в юбилейный сборник «М. Горький и его современники» (1968) он дал статью о проблеме «детей солнца», сопоставляя «основоположника» с символистами. Переживания рубежа 1960–1970-х гг. отразились в цикле саркастических рассказов,

¹⁵ Гуревич А. История русской поэзии // Вопросы литературы. 1970. № 10. С. 170–175.

¹⁶ Публикуется впервые (собрание В.Э. Молодякова).

где в «академике Сазанове» узнается директор ИРЛИ В.Г. Базанов, фамилию которого Долгополов до конца жизни произносил с содроганием. «Я дорожу своей личностью и никогда не допущу, чтобы она растворилась в том море хамства и всеобщности, которое окружает нас со всех сторон, — писал он 27 марта 1973 г. своей доброй знакомой И.Г. Панченко. — Мое “я”, моя личность — это единственная ценность, которая у меня есть. <...> Я формировал ее с таким трудом, такими жертвами и такими издержками, что отдать ее на поругание не могу. Поэтому я ушел из Пушкинского дома, поэтому без работы и т.д.»¹⁷.

Бытовые трудности толкали Долгополова к поиску дополнительного заработка (о чем он имел обыкновение говорить без ложного стеснения), но его возможности (лекции, рецензии) были ограничены, особенно при «непробивном» и желчном характере. Многие сотрудники ИРЛИ участвовали в изданиях «Библиотеки поэта». Б.Л. Бессонов подготовил для Большой серии том «Поэты-демократы 1870–1880-х годов» (1968) и подарил его Долгополову с надписью: «старому доброму Леньке от его непутевого друга», начав инскрипт словами: «...а что делать?!». В «шестидесятническом» кругу, к которому оба принадлежали (диссидентом Долгополов не был), такая тематика считалась непопулярной и конъюнктурной, но полвека спустя эта работа по введению в научный и читательский оборот массива малоизвестных и малодоступных, но важных для понимания эпохи текстов заслуживает высокой оценки.

Книги «Библиотеки поэта» приносили известность и гонорар, поэтому борьба за участие в изданиях серии разворачивалась, надо полагать, нешуточная. Долгополов участвовал только в двух — точнее, в двух вариантах одного и того же тематического тома «Поэты 1880–1890-х годов» в Малой (1964) и Большой (1972) сериях в соавторстве с Л.А. Николаевой. Том Малой серии включал произведения преимущественно известных поэтов, в том числе удостоенных отдельных книг в Большой серии или запланированных к изданию в ней, и имел скорее просветительское значение — как литературная реабилитация эпохи, политически заклеянной как период «реакции» и «безвременья». Для него Долгополов подготовил подборки (по порядку следования) К.Н. Льдова, Вл.С. Соловьева, К.М. Фофанова, Н.М. Минского и Д.С. Мережковского. «Мережковский был плохой поэт, — начал Долгополов выступление в Центральном доме литераторов осенью 1990 г. на вечере, посвященном 125-летию Мережковского, когда остальные ораторы произносили исключительно здравицы. — Я убедился в этом, когда мы с Ликой Николаевой готовили том для “Библиотеки поэта” и я перерыл весь его архив». Цитирую по памяти (я присутствовал на вечере), но суть не искажаю. Эти слова вызвали «веселое оживление в зале», как писали в старых стенограммах.

¹⁷ Панченко И.Г. Л.К. Долгополов: Созидание души. Из писем 1973–1982 гг. // Collegium. 2000. № 1(9). С. 224.

Том Большой серии имел огромное литературное и научное значение еще и потому, что включал тексты преимущественно забытых, замалчиваемых и фактически запрещенных авторов, у которых не было шансов на переиздание отдельной книгой. Кроме повторенных в нем в расширенном составе подборок Льдова, Минского и Мережковского, Долгополов подготовил подборки (по порядку следования) Д. Л. Михаловского, А. Н. Будищева, П. С. Соловьевой, П. Д. Бутурлина, Д. М. Ратгауза и Д. П. Шестакова.

Отбор авторов привел к открытию, значение которого осознано только в наши дни, — к поэзии Дмитрия Шестакова, включая обширный корпус неизданных стихотворений 1920–1930-х гг. Обратив внимание на единственный сборник Шестакова 1900 г. и усмотрев в нем «переключку» с Блоком, Долгополов начал собирать сведения о забытом поэте и в 1969 г. разыскал в Москве его сына Петра, сохранившего рукописи отца. Обрадованный Шестаков-сын вступил в переписку с ученым, сделал машинописные копии всех имевшихся у него текстов, сверил с прижизненными публикациями и прокомментировал. Результатом работы стал машинописный свод стихотворений и избранных переводов Шестакова-отца в пяти томах, переданный вместе с оригиналами на государственное хранение. Долгополов «пробивал» в печать неопубликованные тексты поэта, но добился немногого: 12 стихотворений в журнале «Дальний Восток» (1970, № 7), еще 3 в томе «Библиотеки поэта». Поэтическое наследие Шестакова в полном объеме издано в 2014 г. автором этих строк, который четвертью века раньше узнал о нем из тома Большой серии, а позже получил от Долгополова собранные им материалы (опубликованы в 2018 г. в моей книге «Тринадцать поэтов. Портреты и публикации»).

Единственным специальным обращением Долгополова к литературе XIX в. — кроме главы «Поиски нового героя. Проблема публицистичности и трансформация жанра» (разделы I и II) в коллективной монографии «Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра» (1973), основанной на материале 1870-х гг., — стала статья «Гоголь в начале 1840-х годов. (“Портрет” и “Тарас Бульба”: вторые редакции в связи с началом духовного кризиса)» (1969). Редкий случай: в архиве автора сохранились внутренние рецензии на нее Б. П. Городецкого, К. Д. Муратовой, Ф. Я. Приймы, Н. И. Пруцкова и Г. М. Фридлендера — положительные, с конкретными критическими замечаниями. Ученый шел от отрицания расхожей концепции «двух Гоголей» — «прогрессивного» сатирика и «реакционного» моралиста, стремясь показать единство и логику его духовного и литературного пути, этики и эстетики. Это единственная работа Долгополова, в которой материал литературы XIX в. взят не в связи с Серебряным веком, однако сам он говорил автору этих строк, что обратился к проблеме вторых редакций в связи с духовной эволюцией автора, размышляя над «Петербургом» Андрея Белого.

Во второй половине 1960-х годов у Долгополова появились два новых «героя» — Бунин и Белый. Интерес к первому материализовался в виде

нескольких статей, главной из которых является «Судьба Бунина». Журнал «Русская литература» отверг ее на основании отзыва Н. И. Пруцкова: «...сделана интересно, содержательно, оригинально... Но она не подходит к научному историко-литературному журналу, т. к.: 1. Обширна. 2. Исследовательское начало не является, как правило, основой работы. 3. Преобладает начало другое; предположения, представления, субъективное восприятие и проч. элементы чисто литературного арсенала»¹⁸. «Тамошние кретины, — писал Долгополов 18 февраля 1975 г. И. Г. Панченко, — обвинили меня в том, что я создаю не научный, а литературный образ Бунина. Дураки — именно за это меня и надо печатать. <...> В мою задачу входило дать свое, личное, глубочайшим образом субъективное восприятие личности Бунина. Автор здесь (в задаче) гораздо важнее писателя. <...> Всё это прекрасно поняли ребята из “Воплей”, поэтому они и дали мне (мне, а не Бунину, он тут решающей роли не играет) — 2,5 печатных листа. У них появился интересный автор». За этим следовало важное признание: «Я о Бунине писал — о себе писал, о Блоке книжку писал — тоже о себе писал»¹⁹.

Включенная в сборник «На рубеже веков» вместе со статьей о рассказе «Чистый понедельник» «Судьба Бунина» хорошо известна; напомним лишь, что творчество ее героя рассматривается прежде всего через призму отношений с символистами. Заслуживает внимания наблюдение автора о «неинтересности» писем Бунина на фоне «воскрешения именно на рубеже веков эпистолярного жанра как специфического философско-исторического и психологического жанра литературы»: «В них почти не затрагиваются ни вопросы, связанные с исторической судьбой России, ни даже вопросы, которые в той или иной степени могли бы быть соотнесены с судьбой русской культуры и, в частности, русской литературы»²⁰. К настоящему времени опубликовано куда больше писем Бунина, чем было известно Долгополову (даже по заграничным публикациям), но его вывод можно признать справедливым.

Если обращение к Бунину оказалось эпизодом в работе ученого, то Белый наряду с Блоком стал его вторым «вечным спутником». Внешним побудительным мотивом начать работу над Белым («в стол» Долгополов не писал) оказался выход в 1966 г. тома его стихотворений и поэм в Большой серии «Библиотеки поэта», что означало его частичную «реабилитацию». В 1934 г. в некрологе «Правды» отмечалось, что «Белый умер советским писателем»²¹; Гослитиздат включил книгу его стихов в план изданий 1946 г.²², но в том же 1946 г. А. А. Жданов упомянул Белого среди «запрещенных людей» вроде

¹⁸ Публикуется впервые (собрание В. Э. Молодякова).

¹⁹ Панченко И. Г. Л. К. Долгополов: Созидание души. С. 226, 229.

²⁰ Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. Л., 1985. С. 269.

²¹ Прочитировано: История русской поэзии. Т. 2. Л., 1969. С. 308.

²² Об этом К. Н. Бугаева писала Д. Е. Максимову 16 декабря 1945 г.: Лавров А. В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 617.

Гиппиус и Мережковского — «всех тех, кого наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и литературе».

Летом 1967 г. Долгополов через Д. С. Лихачева, который много лет помогал ему, направил в редколлегия серии «Литературные памятники» заявку на переиздание трех томов мемуаров Белого. Председатель редколлегии Н. И. Конрад поддержал идею обратиться к наследию Белого, но резонно предложил начать с «Петербурга» как его важнейшего произведения. Роман был включен в план серии. Предполагалось, что Долгополов подготовит текст и составит примечания, а маститый Максимов напишет статью и будет титульным редактором. Так началась эпопея, растянувшаяся на 14 лет.

Разбирая в конце жизни свой архив, Долгополов показал автору этих строк некую папку, сказав: «А вот это Вам может быть любопытно». Я удивился, потому что подобные вещи он обычно именовал «старым бумажным хламом» и бестрепетно выбрасывал. В папке лежали документы, связанные с «литпамятниковским» изданием «Петербурга» в «сиринской редакции»: ученый гордился этой работой и потому, наверно, сохранил их. Конечно, я заинтересовался. Воодушевившись, Долгополов начал рассказывать, заполняя лакуны между уцелевшими бумагами. С благодарностью он говорил о Лихачеве, прошедшем роман через издательские и административные препоны, но в рассказах о Максимове проскальзывали иронические нотки: периодически отказываясь от работы над статьей, тот оказался невольным виновником задержек с подготовкой книги. По словам Долгополова, «он трясся и говорил: “Нас посадят”».

Рассказ был настолько увлекателен, что я попросил записать его, сказав: «У Ильфа и Петрова было “Как создавался Робинзон”, а вы напишите “Как издавался «Петербург»”. Потом придумаем, где это напечатать». Долгополов отнекивался (в последние годы жизни ему, по собственному признанию, «не писалось»), но все же принялся за работу, решив опубликовать документы с мемуарным предисловием. Тема захватила его: он начал рассуждать о романе как «петербургской вселенной», потом перешел к воспоминаниям молодости и... так и не добрался до истории издания. Последний, недописанный лист, вынутый из пишущей машинки после смерти автора, отдала мне его дочь Е. Л. Долгополова вместе с началом очерка и папкой документов о «Петербурге». Я обещал их напечатать, но в полном объеме это удалось сделать лишь сейчас.

И предисловие, и документы говорят сами за себя. Не стоит удивляться словам Лихачева о необходимости «установить на роман марксистскую, советскую точку зрения» и «воспрепятствовать распространению ненаучных домыслов и измышлений», — ведь писал-то он в Отдел культуры ЦК КПСС, чтобы ускорить издание. Такова история русской науки о символизме в условиях позднесоветского времени. Многим могут показаться резкими и несправедливыми отзывы о бывших коллегах по ИРЛИ, но автор, во-первых, сам предназначал текст к печати, а во-вторых, действительно, был «трудным,

неровным в общении, склонным подчас к чрезмерно категоричным суждениям и оценкам», как написал в некрологе его друг В. А. Келдыш²³. И разве он один не стеснялся в выражениях?! В переписке с И. С. Зильберштейном В. Н. Орлов (замечу, не самая «светлая личность») назвал А. С. Мясникова «убогим и угрюмым дурнем» и «махровым проработчиком»²⁴. Однако письмо Мясникова к Долгополову по поводу «Петербурга» показывает автора внимательным и квалифицированным читателем, уважительно подошедшим к работе младшего и «нечинового» коллеги, к которому он обращается именно как к коллеге, не настаивая на своих суждениях.

В процессе подготовки текста и комментирования романа Долгополов проделал огромную исследовательскую работу, результатом которой стали не только примечания, но ряд статей и публикаций. Когда Максимов окончательно отказался от написания статьи, стало ясно, что лучше Долгополова это никто не сделает. Возражений не было, но после очередной задержки в «инстанциях» Лихачев предложил добавить в книгу «статью-щит» от одного из правоверных «корифеев» (с этим были связаны обращения к А. С. Мясникову и В. О. Перцову). В итоге Долгополов сделал книгу единолично (в составлении примечаний участвовали С. С. Гречишкин и А. В. Лавров) и так, как хотел. С предисловием Мясникова в 1978 г. была переиздана «берлинская редакция» «Петербурга». Для этой книги Долгополов не только составил примечания, но также, как сам напомнил издательству в письме, «вычитал всю книгу, от корки до корки, выправив и опечатки и описки А. Белого, и неточности А. Мясникова, и забывчивости П. Антокольского (автора послесловия — В. М.). В том, что книга вышла в таком приличном виде, есть небольшая доля и моего труда», — отметил он.

В научном отношении «литпамятниковское» издание «Петербурга» может считаться образцовым изданием литературного произведения. Оно включает описание его творческой истории и всех редакций по рукописным и печатным материалам, обоснование текста на основе сравнения редакций, анализ литературных и исторических источников романа, его проблематики — Россия между Востоком и Западом, революция, провокация (только в книге 1988 г., в условиях «перестройки», автор смог окончательно освободиться от цензуры), специфических особенностей произведения (в данном случае — изображение города) и его восприятия современниками. Завершал книгу подробный историко-литературный и реальный комментарий. О качестве и значении работы Долгополова свидетельствует почти стереотипное переиздание «Петербурга» в той же серии в 2004 г. — «почти», потому что дополнения и исправления А. В. Лаврова затронули только примечания.

Сдав в конце 1973 г. рукопись «Петербурга» в издательство, Долгополов подготовил две книги, которые принесли ему известность за пределами

²³ Литературная газета. 1996. № 3(5585). 17.01. С. 6.

²⁴ И. С. Зильберштейн. Штрихи к портрету. М., 2006. С. 403. В той же переписке Зильберштейн назвал Д. Е. Максимова «самовлюбленным юродивым» (С. 380).

филологического «цеха». Вышедший двумя изданиями в «Советском писателе» сборник статей «На рубеже веков» (1977; 1985; второе издание с «частными уточнениями») подытожил сделанное после книги о поэме, показав не только широту интересов автора, но глубину анализа и незаурядный литературный талант. Сборник открывался статьей «Рубеж веков — рубеж литературных эпох», ранее опубликованной под более академическим заглавием «Русская литература конца XIX — начала XX века как этап в литературном развитии» (1976). Уже в конце 1960-х гг. у Долгополова сложилась концепция литературы конца XIX и начала XX в. как «литературы *рубежа* — и веков, и исторических эпох», «соединительного звена между ними и одновременно водораздела».

Долгополов попытался втиснуть свою концепцию в прокрустово ложе энциклопедических статей: о русском символизме для «Краткой литературной энциклопедии» и о русской литературе рубежа веков для тома «СССР» третьего издания «Большой советской энциклопедии». Необходимость следовать жестким энциклопедическим стандартам и особенно строгого в таких изданиях политического контроля в сочетании с бескомпромиссностью автора в отношении редакторской правки усложняли задачу даже с учетом благожелательного отношения к нему Редакции литературы и языка издательства «Советская энциклопедия». Первая статья увидела свет в том виде, какой ей придал автор; вторая осталась в его архиве, потому что он не согласился на предложенные изменения. В настоящей книге она печатается вместе с перепиской Долгополова с редакцией: этот «роман в письмах» отлично характеризует как нравы эпохи, так и позицию ученого.

Из написанного Долгополовым наибольшее распространение получила книга «Александр Блок. Личность и творчество», вышедшая тремя изданиями (1978; 1980; 1984) в «Науке» общим тиражом 150 тыс. экземпляров. Не утратившая значения и легко находимая даже сегодня, эта книга со временем выпала из поля зрения филологов и любителей поэзии. Переиздание привлекло бы к ней внимание, хотя о прежних тиражах не приходится и мечтать.

Чем эта книга отличалась от других книг о Блоке, претендовавших на обобщение? Автор так определил свою задачу: «Александр Блок *как человек и поэт* — вот главная тема книги. Причем обе эти линии исследования — “человек” и “поэт” — в книге перекрещиваются»²⁵. Вспомним и слова из предисловия к сборнику «На рубеже веков»: «Сама личность — и как писательская индивидуальность, и как “герой” литературы — становилась иной, более динамичной, более восприимчивой эмоционально, уже полностью ощутившей себя втянутой в круговращение исторической жизни. Личность писателя, взятая в соотношении с “героем” его творчества на фоне социально-исторических и историко-литературных сдвигов эпохи»²⁶, — вот

²⁵ Долгополов Л. К. Александр Блок. Личность и творчество. Изд. 3-е. Л., 1984. С. 3. Эти слова есть во всех трех изданиях.

²⁶ Долгополов Л. На рубеже веков. С. 3–4.

что находилось в центре его внимания. Не случайно в книге Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока» он отчеркнул на полях строки: «Блока в первую очередь интересовала воплощенная в творчестве духовная личность автора, зависящая от «космических связей» (“мировая воля”, “мировая душа” или “мир Искусства” — в блоковском смысле), от природы, национальности, эпохи, культуры и принимающая в себя и соединяющая в себе эти сферы»²⁷, — поставил напротив них «нотабенку», а позднее неоднократно цитировал.

По аналогии с понятием «философия истории» главный предмет научных интересов Долгополова можно назвать «философией литературы». Содержание интересовало ученого гораздо больше, чем «форма» в широком смысле, но не как отражение социально-политических процессов, не как соотношение «надстройки» и «базиса», но как мировоззрение и мировосприятие художника, происхождение и эволюцию которых он стремился понять и объяснить. Чуждый и «формальному», и «социологическому методу», Долгополов избежал ловушек «импрессионизма», стремясь к максимальной доказательности, но не боясь высказывать личное мнение («от первого лица»), что казалось отступлением от академической строгости в сторону «литературы». Думаю, можно считать несомненным и влияние на его метод и со стороны «творческой критики» самого Блока.

Полагая творчество художника неотделимым от его мировоззрения, Долгополов разбирал не только сами произведения, но и другие высказывания и тексты автора, относящиеся к тому же времени и/или к той же проблематике. Уже в отклике на его первую статью о «Двенадцати» Л. И. Тимофеев упрекнул автора в том, что он делает выводы, основываясь не на «реальном художественном целом» (тексте поэмы), а на «внеположном ему материале», включая «субъективные оценки самого автора»²⁸. Долгополов ответил: «Не получится ли как раз наоборот: освобождая себя от необходимости учитывать пояснения и выраженные в непосредственной форме взгляды и оценки Блока (независимо от того, “субъективны” они или “объективны”) и оставшись, таким образом, один на один с поэмой, произведением многослойным, не превратится ли исследователь именно в этом случае в хироманта, гадающего о том, что мог бы значить здесь тот или иной образ, та или иная реплика?»²⁹.

Получив книгу, Лихачев писал автору 10 марта 1978 г.: «Прекрасно! Это лучшая книга о Блоке, которую я читал. “Путь” Максимова³⁰ очень интересен, но цельного обзора, глубокого и одновременно популярного, кни-

²⁷ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 402.

²⁸ Тимофеев Л. Поэмы Блока «Двенадцать» и ее толкователи // Вопросы литературы. 1960. № 7. С. 126.

²⁹ Долгополов Л. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Л., 1979. С. 8.

³⁰ Книга Д. Е. Максимова «Поэзия и проза Ал. Блока» (1975), открывающаяся большой статьей «Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока».

га Дмитрия Евгеньевича не дает. И тени нет в книге приспособленчества. Тень впрочем неизбежна в последней главе, но... Вы не Орлов». Долгополов поначалу уклонился от «политически неудобного» разговора о Блоке после «Двенадцати», однако во втором и третьем изданиях дополнил книгу главой «Блок в последние годы жизни», где написал и о тяжелых условиях жизни, и о последнем этапе семейной драмы, и о непонимании им нового поколения поэтов. Сказать об «отсутствии воздуха», тем более в юбилейный год, автору бы не позволили, но в третьем издании он завершил главу именно этими знаменитыми блоковскими словами.

Столетие Блока в 1980 г. отмечалось в СССР с таким размахом, что работы хватило многим исследователям и интерпретаторам поэта, а не только маститым или правоверным. «Вы создали настоящее блоковское ощущение. Это очень важно, — говорил Долгополов В. Э. Рецперу, поставившему «Розу и крест» на Малой сцене БДТ. — Особенно в этот юбилей, когда его вытаскивали на улицу и стали таскать, как тряпку. Он не был народным поэтом. А Владимир Николаевич Орлов потащил его на улицу!»³¹. Сам Долгополов к юбилею выпустил: 1) дополненное издание книги о Блоке с новыми главами «Эстетика Блока» и «Блок в последние годы жизни» и с переделанной главой о «Двенадцати» (работа над ней продолжалась и в третьем издании); 2) брошюру «В огне и холоде тревог...» — этюд о творчестве Блока, выходящий далеко за рамки жанра «в помощь лектору» общества «Знание»³²; 3) сборник «Александр Блок. Об искусстве» с предисловием «Искусство как самопожертвование», являющимся развернутым вариантом главы «Эстетика Блока»; 4) репринт первого «алконостовского» издания «Двенадцати» с приложением, включавшим воспроизведение черновика поэмы и статью об истории издания и иллюстраций к нему (материалы об этом публикуются в настоящей книге).

«Перестройку» Долгополов встретил с воодушевлением, но его больше интересовали новые возможности для научной и литературной деятельности, нежели политические процессы. Перемены в стране сразу коснулись его. Впервые поехав в 1986 г. на международный симпозиум в Италию, он почувствовал признание коллег, которое принесло ему издание «Петербург», замолчанное в СССР и продававшееся в основном через «Международную книгу» и «Березку». Идеологические «послабления» дали возможность расширить тематику не только исследований, но и публикаций. В 1986 г. Долгополов написал большую статью о Гумилеве (правда, не увидевшую света) и предложил «Советскому писателю» подготовить большую (50 авторских листов) антологию «Русские поэты начала XX века»; в 1987 г. выступил на конференции в Коктебеле с докладом на недавно запретную

³¹ Рецпер В. Жизнь и приключения артистов БДТ. М., 2005. С. 405.

³² Сокращенный вариант работы вошел в качестве послесловия в сборник «Стихотворения и поэмы» Блока (сост. Л. А. Карпова), выпущенный издательством ЛГУ в 1981 г.

Научное издание

Леонид Константинович Долгополов

ПРОГУЛКИ С БЛОКОМ
Неизданное и несобранное

Составитель *В. Э. Молодяков*

Редактор *В. Т. Мусбахова*
Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *М. Девлин*

Подписано в печать 28.12.2018.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 27,1

Тираж 1000 экз. Заказ № 1418

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Леонид Долгополов в Венеции. Декабрь 1993. Фотография В.Э. Молодякова

Леонид Долгополов. Начало 1990-х годов